

УДК 167/168

DOI: 10.5840/dspl2018115

КРАУДСОРСИНГ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКСПЕРТИЗЫ

Масланов Евгений Валерьевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; e-mail: evgenmas@rambler.ru.

Данное исследование посвящено анализу процессов формирования и оценки социогуманитарных инноваций. В результате исследования сделан вывод о том, что в процессе разработки, реализации и экспертизы социогуманитарных инноваций эксперты сталкиваются с рядом непредвиденных затруднений. Они вызваны своеобразным «эпистемологическим барьером», обусловленным тем, что социогуманитарные инновации обычно тесно связаны с локальными контекстами, в то время как эксперты оценивают их исходя из общих формализованных знаний, не связанных с подобными контекстами. Сделан вывод о том, что для преодоления данного «барьера» необходимо использовать неформализованные знания и опыт обычных людей, для которых локальный контекст является обыденным жизненным фоном. В связи с этим может быть использована технология краудсорсинга, которая в данном случае становится частью экспертизы проектов.

Ключевые слова: экспертиза, социогуманитарные инновации, краудсорсинг, интернет, формализованное знание, неявное знание.

CROWDSOURCING AS AN ELEMENT OF EXPERTISE

Evgeniy V. Maslanov – CSc in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

This paper focuses on the analysis of the design and expertise of humanitarian and social innovations. The author concludes that in the above-mentioned processes experts face a number of

12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: evgenmas@rambler.ru.

unforeseen difficulties. These difficulties are caused by quite a peculiar "epistemological barrier," which is associated with the fact that humanitarian and social innovations are commonly closely related to certain local contexts, while experts assess them basing on some common formalized knowledge, which is not necessarily referred to the local contexts. The discussion ends with the implication that to overcome this "barrier" it is necessary to use the informal knowledge and experience of ordinary people for whom local contexts form their everyday life background. The crowdsourcing technology serves the case, which becomes a part of the project expertise.

Keywords: expertise, humanitarian and social innovations, crowdsourcing, Internet, formalized knowledge, tacit knowledge.

Введение

В настоящее время общество постепенно переходит к новому технологическому укладу: развиваются новые технологии и отрасли экономики, происходят изменения в общественной структуре и повседневной жизни людей. Подобные трансформации уже случались в истории. В период промышленной революции сельское хозяйство постепенно уступало лидирующие позиции промышленному производству, происходило «переселение» бывших сельскохозяйственных работников в города. В первой четверти XIX века развитие промышленного производства, сопровождавшееся его механизацией, постепенно приводило к замене ручного труда машинным. В результате промышленной революции полностью поменялся социальный ландшафт и общественные отношения.

В XX веке новые знания, научные теории, воплощенные в технических решениях, поменяли обыденную жизнь человека. Новые технические устройства, казавшиеся фантастическими еще в середине XX века, в настоящее время активно используются в повседневной жизни. Развитие науки и техники поставило перед человечеством новые вызовы. Использование атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки, техногенные катастрофы и экологические вызовы, обусловленные развити-

ем промышленного производства и активной эксплуатацией природы человеком, а также появление технологий, связанных с искусственным интеллектом, – лишь часть из них.

Важная особенность современного этапа развития общества состоит в том, что технологические решения могут быть не только связаны с созданием новых «материальных» объектов, но и носить социальный характер. Социальное конструирование становится важным элементом жизни общества. Развитие социогуманитарных наук позволило перейти от утопических описаний будущих общественных институтов к разработке стратегий социальных трансформаций. Конструирование новых экономических систем, различных общественных институтов, стратегий перехода от авторитаризма к демократии, а также создание новых городских ландшафтов на основе учета социальных, экономических и культурных особенностей локальных сообществ представляют собой новые тенденции в использовании знаний в общественной жизни XX века.

Конструирование социальных инноваций потребовало активного включения профессиональных экономистов и социологов, историков и политологов в процесс выработки управленческих решений. Внедрение подобных инноваций требует не только грамотной работы по созданию проекта, но и независимой оценки возможных последствий. К примеру, автоматизация рабочего процесса и активное использование современного оборудования могут не только способствовать увеличению производительности труда, но и создавать набор социальных рисков, которые должны быть учтены при реализации программ оптимизации производственных процессов.

Важной частью жизни общества становится оценка различных знаний и возможных последствий их применения, этическая оценка научных исследований. Примером может служить экспертиза медицинских и биомедицинских технологий, предполагающая оценку этических и социальных рисков, связанных с их применением. Экспертиза используется для принятия решений о финансировании различных научных проектов, становясь все более важной составной частью жизни общества.

Процесс экспертизы предполагает привлечение экспертов – специалистов, обладающих навыками, необходимыми для оценки проектов. В своей работе эксперты исходят из общих критериев, которые, в

целом, обычно похожи на те, что используются разработчиками проектов инноваций для собственной оценки их эффективности. Обладание профессиональными знаниями позволяет экспертам оценить слабые и сильные стороны проектов, предложить пути их оптимизации, определить вероятность успешной реализации. Привлечение специалистов в области социогуманитарных наук позволяет оценить этические, экономические, социальные и политические риски проектов.

От экспертизы проекта к его реализации

После прохождения экспертизы начинается процесс реализации проекта. На данном этапе могут возникать различные трудности, которые зачастую не были предсказаны в ходе оценки. Это может приводить к увеличению стоимости реализации проекта и создавать дополнительные сложности для его воплощения в жизнь. Все это характерно для проектов, связанных с внедрением как технических, так и социальных инноваций. Внедрение в промышленное производство любого нового образца техники всегда сопровождается процессом доработки опытного образца, «доведением его до ума». К примеру, окончательное «доведение до ума» дизельного двигателя заняло несколько лет. Иногда даже прошедшие экспертизу и рекомендованные к реализации образцы оборудования так и не внедряются в массовое производство.

Схожие проблемы возникают и при реализации масштабных проектов по созданию технологических, инфраструктурных или социальных изменений. К примеру, для решения задачи по строительству Каракумского канала предполагалось активное использование средств механизации для проведения земляных работ. При этом, как отмечает И.Т. Касавин на основе анализа исторического материала, «проектировщики явно ориентировались на известный опыт строительства каналов, отличающийся иными гидрологическими условиями» [Касавин, 2016, с. 99]. В результате проект приходилось трансформировать уже в условиях его реализации и заменять одни машины другими.

Проекты по конструированию социальных инноваций, реализуемые под пристальным вниманием экспертов, так же не всегда являются успешными. Одним из таких примеров может служить опыт транзита республик бывшего Советского Союза и стран советского блока к

демократии. В этих условиях одной из важнейших задач стало проведение реформы системы права и правоприменения. Однако в каждой из республик бывшего СССР и странах советского блока эта реформа имела свою специфику, и где-то она была реализовано более успешно, а где-то – менее. При этом работа экспертов по выработке детальной стратегии реформы и экспертиза данных проектов не всегда являлись залогом успеха. «Для эффективной трансформации судебной системы и сопряженных институтов, – замечает Е.А. Мишина, – наличие программного документа, определяющего вектор, цели, задачи и методы проведения реформ, совершенно не обязательно. Наиболее эффективные реформаторы (Эстония и Польша) прекрасно без него обошлись. И, напротив, наличие одного или более концептуальных документов судебной реформы не является гарантией ее последовательной реализации, о чем свидетельствует опыт Украины и России» [Мишина, 2014, с. 176-177].

Все это наталкивает на мысль о том, что существует эпистемологический барьер, который оказывает существенное влияние как на реализацию разработанных профессионалами проектов, так и их экспертизу. Он не позволяет предусмотреть целую группу рисков, которые следовало бы выявить еще на этапе экспертизы.

Особенности экспертизы

Для выявления данного эпистемологического барьера проанализируем позицию, которую занимает эксперт при работе с проектами.

1) Эксперт обладает профессиональными знаниями, которые позволяют ему оценивать проекты; при этом предполагается, что он не должен быть лично заинтересован в поддержке или противодействии любому из оцениваемых проектов. Однако наличие у эксперта набора профессиональных знаний и опыта реализации подобных проектов формирует у него некоторую «предустановленную позицию» относительно выносимых на экспертизу проектов. Он также исходит из определенного набора представлений, лежащих в основе приобретенного им профессионального «багажа». При этом позиция разработчиков проектов может по-разному соотноситься с позицией эксперта. Условно отношения между позициями эксперта и разработчиков проекта можно расположить на шкале от полного совпадения научных предполо-

сылка до крайнего противоречия. В этом случае экспертная оценка может оказаться элементом политической борьбы, когда эксперты отклоняют экономические, социальные, научные и технические проекты, противоречащие их позиции. Поддерживают они те проекты, которые исходят из предпосылок, разделяемых самими экспертами. В результате разные группы экспертов могут отклонять и поддерживать абсолютно разные группы проектов. Проекты, которые были отклонены одной группой экспертов, в дальнейшем могут быть поддержаны другой группой.

2) В своей деятельности эксперт стремится оценить «реализуемость» проекта. В этом он опять же исходит из своих представлений о том, какие финансовые, кадровые, административные и прочие ресурсы необходимы для его воплощения в жизнь. Позиция эксперта обусловлена его собственным опытом. При оценке он старается отобрать проекты, которые, по его мнению, будут реализованы с наибольшей вероятностью.

Все это предполагает обращение к личному опыту эксперта и массиву знаний, которыми он обладает. В данном случае предполагается, что существует набор знаний, при помощи которых можно построить универсальное описание мира. Они могут использоваться для интерпретации любых состояний мира, а личный опыт эксперта, с одной стороны, позволяет применять знание наиболее актуальным образом, а, с другой – регулирует его применение. Данный образ экспертизы предполагает представление о регулярности мира, способности его всеобщего и рационального описания на основе критериев, которые могут быть выработаны в процессе его изучения. В целом такое представление характерно и для новоевропейских ученых, и для новоевропейской бюрократии, основанной на идее о возможности управления миром на основе четких правил и критериев, способных полностью предопределить деятельность эксперта, так как могут полностью описать мир. В этом случае «универсальность правил, – пишет Р. Мертон, – требует постоянного использования категоризации, с помощью которой определенные критерии применяются для классификации и соответствующего рассмотрения отдельных проблем и обстоятельств» [Мертон, 2006, с. 324].

Проблема применения экспертизы к социогуманитарным проектам

Разработка проектов социальных преобразований и изменений в обществе, а также экспертиза таких проектов всегда наталкивались на целый ряд проблем. В своей работе «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» Дж. Скот анализирует примеры провала крупных проектов, направленных на модернизацию общественных отношений и жизненного пространства различных социальных групп, проводившуюся органами государственной власти [Скот, 2005]. Казалось бы, примером успешного применения стратегии использования экспертного знания для оценки социальных трансформаций должны служить проекты строительства новых городов или кварталов. В данном случае пространство нового города формируется исходя из желаний специалистов, а все неожиданности, связанные с реализацией проекта, можно постараться заранее предусмотреть на основе изучения окружающих условий и социальной структуры конкретного пространства, где будет реализовываться проект. Однако Дж. Скот отмечает, что «никакой утопический город не строится так, как его спроектировал пророк-архитектор. Так же, как ученому-лесоводу мешали капризы непредсказуемой природы и расхождение целей его нанимателей и тех, кто имел доступ к лесу, так и городской архитектор должен сражаться со вкусами и финансовыми средствами своих патронов, а также с сопротивлением строителей, рабочих и жителей» [Скот, 2005, с. 194]. Кроме того, само это «сопротивление» может непредсказуемым образом трансформироваться в процессе реализации проекта.

Реализация проекта в области социальных преобразований требует учета интересов большого количества различных групп. Это в некотором роде напоминает сборку сети отношений между различными акторами, о которой пишет Б. Латур [Латур, 2014]. В ней важную роль играют различные «неживые» акторы, участвующие в ее реализации: от инструментов, позволяющих донести позицию реформаторов, до граждан и даже вплоть до электрических цепей и электричества, которое позволяет этим инструментам работать. Однако, важнейшим элементом данной сети выступают различия в «позициях», «перспективах», с которых разные участники сети смотрят на преобразования. Эксперт смотрит на нее с позиции научного, формализованного знания; для оценки проекта и его реализуемости он использует рацию-

нальные критерии, которые стремится приспособить к конкретной ситуации. Человек, жизнь которого подвергается преобразованию, смотрит с позиции своего непосредственного опыта существования в определенных условиях. Для его анализа характерна опора не только, а точнее, даже и не столько, на формализованное знание, сколько на традиции и неявное знание, которое он выработал в процессе своей жизни в этих условиях. Может сложиться ситуация, когда его «обыденное» знание не совпадает с экспертным знанием, а изменения, технологические и социальные инновации, которые разработали и оценили эксперты, будут нуждаться в преобразовании исходя из местных условий. Дж. Ло на основе работ ряда своих коллег пишет о «текучих» технологиях, с которыми происходят изменения в зависимости от места их применения. Зимбабвийский водяной насос – одна из таких технологий. «Если бы технология была жесткой, – отмечает Дж. Ло, – ... тогда бы насос и близко не был бы столь успешным, каким он является в действительности. Его текучесть, способность изменять форму и переделывать свой контекст оказывается ключом к успеху» [Ло, 2015, с. 170]. Именно «текучесть» насоса, возможность приспособить его к условиям каждой конкретной деревни позволяет ему существовать и формирует определенное сообщество людей, включенных в активное взаимодействие как между собой, так и с технологией насоса. Социальным примером такой «текучей» технологии является система правоприменения, которая предполагает не только следование «букве закона», но и вариативность применения закона в зависимости от каждого конкретного случая. В результате особенностью применения социогуманитарных технологий и части механических технологических решений становится их приспособление к уникальной ситуации использования, которая не всегда поддается четкой формализации.

Мир оказывается изменчивым и неустойчивым; в нем особую роль начинает играть умение создавать сети разных акторов в конкретных социальных условиях. В итоге формируется эпистемологическое противоречие, которое и создает барьер, мешающий профессионалу провести всестороннюю экспертизу социогуманитарного проекта и не позволяющий ему увидеть все возможные последствия его реализации. Профессиональный эксперт анализирует проект исходя из универсальных критериев, но применяться проект будет в конкретных социальных условиях: его реализация требует обращение к локально-

му опыту, учету местной специфики не только на основе формализованного описания местного контекста, но и исходя из неявного знания локальных реалий.

Эксперт и «человек с улицы»

«Текучесть» технологий, необходимость их приспособления к конкретным условиям жизни людей, учет локального контекста приводит к эпистемологическому барьеру, который профессиональный эксперт может преодолеть лишь фактом своей случайной изначальной принадлежности к локальному контексту. Однако существует целая группа людей, которые обладают непосредственным опытом существования в нем – это обычный «человек с улицы» (А. Шюц). Таким люди могут не являться профессионалами, но при этом обладают опытом жизни в данном контексте. Их знания о жизни конкретной территории, о стоящих перед людьми проблемах, разделяемых ими ценностях нельзя назвать четко формализованными – они скорее носят неявный характер. Но без подобных знаний невозможно разработать эффективно работающую социальную технологию, а учет всех этих факторов на уровне экспертизы позволил бы оптимизировать проекты социогуманитарных изменений.

В этом случае «человек с улицы» так же оказывается носителем экспертного знания, но отличающегося от знания, которым обладает профессиональный эксперт. Особенностью подобного экспертного знания как раз и выступает то, что оно сформировалось в процессе повседневной практики и отражает элементы знания, характерные для нее. В результате человек оказывается «непрофессиональным экспертом». Он может помочь в экспертизе проектов, нацеленных на решение локальных проблем за счет привлечения знаний, связанных с конкретными пространствами и локальными контекстами и поэтому обычно недоступных профессиональному эксперту.

Основной проблемой во взаимодействии профессионального эксперта и «человека с улицы» выступает различия их языков и способов описания реальности. Эксперт ориентируется на рационализированный образ социальной реальности, стремящийся ухватить ее универсальные черты, и оценивает проекты исходя из данного образа. «Человек с улицы» может применить для оценки проектов свое знание ло-

кального контекста. Он ориентируется не столько на универсальный образ социальной реальности, сколько на описание конкретного локального пространства и свой «опыт» жизни в нем. В результате важной задачей становится формирование пространства согласования языков экспертов-профессионалов и «людей с улицы», т.е. развитие интерактивной экспертизы [Collins, 2002]. Она позволяет выстраивать механизмы коммуникации и перевода между различными акторами, налаживать диалог между ними.

Краудсорсинг как элемент экспертизы

Краудсорсинг представляет собой технологию использования интеллектуальных или иных ресурсов и/или времени обычных людей для решения какой-либо задачи. Стратегия краудсорсинга подразумевает привлечение заинтересованных людей к работе над различными проектами, в том числе и над теми, которые могут повлиять на их жизнь. Данная технология стала активно использоваться благодаря развитию интернета, так как именно он позволил привлечь большое количество людей к участию в проектах. Одним из результатов применения технологии краудсорсинга является выстраивание взаимодействия между непрофессионалами. Их усилия позволяют решать задачи, которые иногда неподвластны самым квалифицированным специалистам.

Уже сформировался достаточно большой пул проектов, которые реализуются на основе этой технологии [Хау, 2012]. В настоящее время она используется для решения различных задач в области экономики; постепенно она также начинает все активнее применяться при решении научных задач. При этом данная технология используется и при выработке решений в области социальных изменений. Примером могут выступать проекты, реализованные в различных субъектах Российской Федерации. В июле-августе 2013 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра на платформе компании Witology был выполнен проект «Вместе за достойную медицину». Он позволил провести общественную экспертизу программы модернизации здравоохранения, реализованной в регионе в 2011–2012 гг., и наметить дальнейшие шаги по ее улучшению. В проекте приняло участие 1100 жителей; было подано более 1500 тыс. предложений по совершенствованию

нию системы здравоохранения. В 2014 г. мэрия г. Москвы в сотрудничестве с компанией Witology создала Центр компетенций по краудсорсингу, организующий проекты на платформе компании. За полтора года на ней было реализовано восемь проектов, направленных на разработку стандартов и решение проблем в области экологической стратегии г. Москвы, детского отдыха, транспортной системы, городской среды, медицинского обслуживания, развития портала «Наш город», сети библиотек и школьного самоуправления. В общей сложности в них приняли участие более 107 тыс. человек; было подано почти 60 тыс. идей, на основе которых подготовлены расширенные программы развития. Данная технология используется для обсуждения общественных инициатив, примером чему служат проекты «We the People», британская система «Petition», канадская «Epetitions» или «Российская общественная инициатива». Все эти технологии ориентируются на использование ресурса «толпы» непрофессионалов, которая готова принять участие в улучшении положения дел в обществе. При этом обычные люди, участники проектов, ориентируются не столько на «профессиональные» навыки, сколько на свой личный опыт взаимодействия с различными институтами и на желание улучшить их функционирование.

В результате краудсорсинговые площадки не только могут, но уже выступают одним из элементов системы экспертизы социальных проектов, направленным на вовлечение «человека с улицы» в работу по оценке проектов социальных изменений. В этом случае экспертная оценка базируется как на формализованных знаниях профессиональных экспертов, так и на неявном и личностном знании непрофессионалов. При этом использование краудсорсинговых площадок для экспертизы позволяет выявить потенциальные риски, которые могут возникнуть при реализации проектов. Непрофессиональные участники площадок, которых затронет их реализация, в своих комментариях показывают, какие из элементов изменений вызывают у них наибольшее количество вопросов и опасений. Профессиональные эксперты, используя полученную от непрофессионалов информацию, могут трансформировать проекты, учитывая конкретные локальные контексты.

Использование краудсорсинговых площадок для экспертизы проектов является важным шагом к формированию гуманитарной экспертизы, нацеленной на учет интересов обычного человека при принятии

решений. Для такой экспертизы важно, отмечает Б.Г. Юдин, «чтобы человек сам, и притом осознанно, мог участвовать в принятии затрагивающего его решения» [Юдин, 2006, с. 190]. Участие обычных людей в экспертной оценке проектов позволит «человеку с улицы» оказать влияние на реализацию проектов, которые затрагивают его интересы. Они больше не будут казаться ему продуктом размышлений неизвестных бюрократов, деятельность которых не учитывает его интересов, а постепенно начнут восприниматься как элемент совместного творчества профессиональных экспертов и обычного человека. На наш взгляд, именно технология краудсорсинга может использоваться для преодоления эпистемологического барьера, который мешает адекватной оценке рисков при реализации социогуманитарных инноваций и использовании социогуманитарных технологий.

Список литературы

1. Касавин, 2016 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 264 с.
2. Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
3. Ло, 2015 – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
4. Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Бюрократическая структура и личность // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 323-337.
5. Мишина, 2014 – *Мишина Е.А.* Длинные тени советского прошлого. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 180 с.
6. Скот, 2005 – *Скот Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
7. Хау, 2012 – *Хау Дж.* Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. 296 с.
8. Юдин, 2006 – *Юдин Б.Г.* Необходимость и возможность гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С.187-194.
9. Collins, Evans, 2002 – *Collins H.M, Evans R.* The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. No. 2. P. 235-296.

References

1. Collins H.M, Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*, 2002, vol. 32, no. 2, pp. 235-296.
2. Howe J. *Crowdsourcing. Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business*. Moscow: Alpina Publisher, 2012. 288 p. (In Russian)
3. Latour B. *Reassembling the social. An introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: Izdatelskii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014. 384 pp. (In Russian)
4. Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 352 pp. (In Russian)
5. Kasavin I.T. *Sotsialnaya filosofiya nauki i kollektivnaya epistemologiya* [Social philosophy of science and collective epistemology.]. Moscow: Izdatelstvo «Ves mir», 2016. 264 pp. (In Russian)
6. Merton R. Bureaucratic structure and personality. In: R. Merton. *Social theory and social structure*. Moscow: AST Moscow: Hranitel', 2006, pp. 323-337. (In Russian)
7. Mishina E.A. *Dlinnye teni sovetskogo proshlogo* [Long shadows of the Soviet past]. Moscow: Fond «Liberalnaya missiya», 2014. 180 pp. (In Russian)
8. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow: Universitetskay kniga, 2005. 576 pp. (In Russian)
9. Yudin B.G. Neobkhodimost i vozmozhnost gumanitarnoi ekspertizy [Necessity and possibility of humanitarian expertise], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2006, no 4, pp. 187-194. (In Russian)

Поступила в редакцию 15.10.2017